

О роли теории в революционной практике

К. Маркс о социальной базе
социалистической революции в России

© Сахаров В. А.

© Sakharov V.

О роли теории в революционной практике.

К. Маркс о социальной базе социалистической революции в России

The part of theory in the revolutionary practice.

K. Marx about the social foundations of the socialist revolution in Russia

Аннотация. Анализируя взгляды Маркса, Энгельса, Плеханова, Ленина и Сталина на роль крестьянства в русской революции, автор указывает на противоречия во взглядах между Марксом и Энгельсом, возникшие к началу 1880-х годов. Если первый видел социалистический потенциал в русской крестьянской общине, то второй полностью отрицал его, рассматривая общину как архаичный и консервативный институт. Позиция Энгельса позднее была развита Плехановым, тогда как Маркса — Лениным и Сталиным.

Annotation. The author analyzes the conceptions of the part of peasantry in the future Russian revolution, which were formulated by K. Marx, F. Engels, G. Plekhanov, V. Lenin and J. Stalin. By the beginning of the 1880th K. Marx wrote about the progressive and socialist part of Russian peasant community (obshina), but F. Engels wasn't agree with him and thought, that the obshina is conservative and anti-revolutionary institute. Idea of Engels was developed by G. Plekhanov, and the way of Marx was followed by Lenin and Stalin.

Ключевые слова. Крестьянство, крестьянская община, теория революции, социалистическая революция, история России, К. Маркс, Ф. Энгельс, Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, И. В. Сталин.

Key words. Peasantry, Russian peasant community (obshina), theory of revolution, socialist revolution, history of Russia, K. Marx, F. Engels, G. Plekhanov, V. Lenin, J. Stalin.

Карл Маркс

К. Маркс в последние годы жизни тщательно изучал историю и современное ему положение России, чтобы прояснить вопрос о перспективах социалистической революции в ней. Основные результаты этой работы он изложил в трех пространных черновиках ответа на письмо Веры Засулич и в коротком письме к ней (март 1881 года). В них он сформулировал и аргументировал свое видение социалистической революции в России, в частности, указав на важную роль в ней русского крестьянства, обладавшего, благодаря общинному укладу его жизни, социалистическим потенциалом [10. С. 58—80]. Таким образом, К. Маркс пересмотрел прежде однозначную оценку ограниченной способности крестьянства участвовать в пролетарской революции, данную в «Мани-

САХАРОВ Валентин Александрович — профессор кафедры политической истории факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук.

фесте Коммунистической партии», ввиду того, что их относительная революционность, вызванная страхом перед предстоящим обнищанием, является оборотной стороной их контрреволюционности и даже реакционности [11. С. 434].

Фактически он предложил для России новую концепцию социалистической революции (социалистического преобразования общества), позволявшую ей, во-первых, многократно расширить социальную базу преобразований, что повышало их силы, и, во-вторых, миновать на пути к ней стадию развитого капитализма. Новая концепция, выходя за рамки схемы пролетарской революции, не противоречила ей, не отрицала, а дополняла ее. Это открытие было сделано благодаря сочетанию К. Марксом формационного и цивилизационного подходов при изучении истории, проявившемся в учете не только уровня социально-экономического развития, но и исторического своеобразия ее развития.

Прежде всего К. Маркс указал на то, что в России становление капитализма идет на иной, чем в Западной Европе, основе, где одна форма частной собственности на землю, феодальная, заменялась другой, капиталистической. В России же насаждение буржуазной частной собственности на землю происходило на основе уничтожения общинной собственности на нее. Следовательно, ей был свойственен социальный дуализм. Он проявлялся в органичном сочетании в сельской общине двух различных принципов: *«частной собственности»* (на средства производства, продукты труда, дом, приусадебный участок) и *«общинной собственности на землю»* (на пашню, луга). К. Маркс писал, что «ее врожденный дуализм допускает альтернативу: либо собственническое начало одержит в ней верх над началом коллективным, либо же последнее одержит верх над первым. Все зависит от исторической среды, в которой она находится» [10. С. 76]. Поскольку эта среда могла измениться в ходе социалистической революции, то он не считал, что русская сельская община, как пережиток феодализма, обречена на отмирание, и выражал уверенность, что она может стать базой социалистического преобразования России.

Фиксируя ее архаичность, К. Маркс вместе с тем указывал, что она развилась до высших форм земледельческих общин, каких не знают другие страны: «форма коммунистической собственности в России есть наиболее современная форма архаического типа, который, в свою очередь, прошел целый ряд эволюций», она «принадлежит к самому новому типу в этой цепи». Раскрывая это положение, он писал: «Землевладелец уже владеет в ней на правах частной собственности домом, в котором живет, и огородом, который является его придатком. Вот первый разлагающий элемент архаической формы, не известный более древним типам», которые «покоятся все на отношениях кровного родства между членами общины, между тем как тип, к которому принадлежит русская община, уже свободен от этой узкой связи. Это открывает более широкий простор для ее развития» [10. С. 71–72]. Он также отмечал, что сельская община создавала условия и стимулы для развития личности [10. С. 61].

К. Маркс считал, что «историческое положение русской “сельской общины” не имеет себе подобных!» [10. С. 67, 76]. «Благодаря исключи-

тельному стечению обстоятельств» она «еще существует в национальном масштабе, *может* постепенно освободиться от своих первобытных черт и *развиваться непосредственно как элемент коллективного производства в национальном масштабе* (курсив мой. — В. С.)» [10. С. 59, 61], однако при том условии, что сумеет усвоить «положительные достижения» капитализма. В этом случае ей удалось бы избежать участи общин в станах Западной Европы.

На основании этих оценок русской сельской общины К. Маркс делал вывод, значение которого для дальнейшего развития России невозможно переоценить: *«Говоря теоретически, русская “сельская община” может все же сохранить, развивая свою базу, общинную собственность на землю и, устранив принцип частной собственности, который ей также присущ, стать непосредственным отправным пунктом экономической системы (то есть социализма. — В. С.), к которой стремится современное (то есть буржуазное. — В. С.) общество: не прибегая к самоубийству, она может начать совершенно новую жизнь, она может, минуя капиталистический строй, присвоить плоды, которыми капиталистическое производство обогатило человечество; строй, который, если рассматривать его исключительно с точки зрения возможного времени его существования, вряд ли стоит принимать в расчет жизни общества. Но нужно спуститься с высот чистой теории к русской действительности* (курсив мой. — В. С.)» [10. С. 63].

Важно отметить, что теоретические возражения против возможности для России развиваться этим путем К. Маркс считал несостоятельными [10. С. 67, 70—72, 76]. Он был уверен, что в России революционеры могут и должны использовать сельскую общину для проведения социалистического преобразования общества [10. С. 76]. Для этого прежде всего требовалось спасти ее от разрушения, неизбежного в процессе развития капитализма. Но «чтобы спасти русскую общину, — писал он, — нужна русская революция», предотвращающая ее разложение и создающая условия для ее развития [10. С. 67, 69], следовательно, он имел в виду социалистическую революцию.

К. Маркс ожидал ее начала и не рассматривал как преждевременную и обреченную на поражение. Говоря об условиях ее победы, он указывал только на необходимость и возможность заимствования достижений капитализма в области науки и техники и не усматривал принципиально непреодолимых препятствий в факте ее вынужденного развития в условиях капиталистического окружения. Напротив, он рассматривал его в качестве фактора, способствующего ее развитию: «Россия существует в современной исторической среде, она является современницей более высокой культуры, она связана с мировым рынком, на котором господствует капиталистическое производство.

Усваивая положительные результаты этого способа производства, она получает возможность развить и преобразовать еще архаическую форму сельской общины, вместо того чтобы ее разрушать» [10. С. 71—72].

Победившая где-либо в Европе пролетарская революция лишь предполагалась им в качестве близкой перспективы, которую он фиксиро-

вал вне прямой связи с русской революцией: «капитализм — в состоянии кризиса, который окончится только уничтожением капитализма, возвращением современных обществ к “архаическому” типу общей собственности...» [10. С. 59—60]. Очевидно, он считал, что огромная внутренняя сила русской *народной социалистической революции* способна обеспечить определенную автономность ее развития.

К. Маркс также затронул вопрос о тех возможностях, которые сельская община открывала для развития сельского хозяйства. *«Общая собственность на землю, — писал он, — предоставляет ей естественную базу коллективистского присвоения... С помощью машин, для которых так благоприятна физическая конфигурация русской почвы, она может постепенно заменить парцелярную обработку комбинированной обработкой <...> Привычка русского крестьянина к артели особенно облегчит ему переход от труда парцелярного к труду кооперативному, который он, впрочем, уже применяет до некоторой степени при косьбе общинных лугов и в таких коллективных предприятиях, как осушка болот и т. д. (Курсив мой. — В. С.)»* [10. С. 76—77]. Как видно, в его рассуждениях присутствует общее указание на органичную связь промышленного развития страны и коллективизации сельского хозяйства, о проведении которых должна была позаботиться революционная власть (переход крестьян «от труда парцелярного к труду кооперативному» «с помощью машин» и артели предполагает проведение революционной властью соответствующей социально-экономической политики).

Для реализации этой программы развития сельского хозяйства России, писал он, «нужны две вещи: экономическая потребность в таком преобразовании и материальные условия для его осуществления» [10. С. 65]. Экономическая потребность у общества была. Задачу обеспечения материальных условий, считал К. Маркс, должно было взять на себя революционное общество: «Что же касается *первоначальных организационных издержек, интеллектуальных и материальных*, — то русское общество обязано предоставить их “сельской общине”, за счет которой оно жило так долго и в которой оно еще должно искать свой “источник возрождения” (курсив мой. — В. С.)» [10. С. 66].

В результате такой политики должно было произойти изменение социального характера крестьянства (то есть устранение присущего ему дуализма) в процессе коллективного, механизированного и высокопроизводительного труда.

Русская социалистическая революция представлялась К. Марксу не как быстротекущий процесс (вариант «введения» коммунизма в основном с помощью политических мер [11. С. 446—447]), а как *строительство* социализма, требующее многих лет. Это было обусловлено недостаточным уровнем экономического и социального развития России, необходимостью заимствования и использования достижений капитализма, приспособления сельской общины к новым, не сразу вырабатываемым условиям жизни и труда, их закрепления, развития и т. д.

В заключение отметим, что К. Маркс в черновиках письма В. Засулич не только излагал свои взгляды, но и полемизировал с теми, кто не раз-

делял их [10. С. 68, 71—72, 74]. Имен он не называл, возможно, потому, что его аргументы и контраргументы были направлены и против тех взглядов, оценок, которые мы находим во многих работах Ф. Энгельса.

Карл Маркс и Фридрих Энгельс

Знал ли Ф. Энгельс содержание текстов черновиков письма К. Маркса В. Засулич и самого письма? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Он мог и не знать их. Однако есть достаточно оснований считать, что они с Марксом обменивались мнением относительно появившихся у него новых взглядов и оценок, например, в связи с подготовкой «Предисловия» ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» (1882), текст которого, насколько известно автору, был написан Ф. Энгельсом. Энгельс имел возможность если не развивать, то пропагандировать новые идеи Маркса, — но не сделал этого. Из его работ следует, что в вопросе о русской сельской общине он был вполне согласен с Марксом только в том, что она является источником коллективистских начал, что она существует, разлагаясь по мере развития капитализма.

Эта, прежде общая для них, точка зрения присутствует и в указанном «Предисловии», авторами которого выступают К. Маркс и Ф. Энгельс. Правда, Маркс уже изменил свои взгляды по данной проблеме, о чем и сообщил В. Засулич [10. С. 79—80]. Тем не менее его новые взгляды в «Предисловии» почему-то не получили никакого отражения. В нем сказано лишь, что, во-первых, русская община — это «сильно уже разрушенная форма первобытного общего владения землей», и, во-вторых, «если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития» [12. С. 305].

Как видно, молчанием обойдены все новые мысли, оценки и предложения Маркса, содержащиеся в черновиках и в отправленном В. Засулич письме: об открывавшейся перед Россией возможности перехода к социализму, минуя фазу развившегося капитализма, о способности сельской общины сыграть активную роль в русской социалистической революции и др. Очевидно, что это было не случайно, поскольку по всем этим вопросам Энгельс придерживался иных, чем Маркс, взглядов, отстаивая и пропагандируя их до конца своей жизни. Примером может служить его письмо Н. Ф. Даниельсону от 17 октября 1893 года. Протицируем некоторые положения и оценки из него, выделив слова, несущие основную смысловую нагрузку.

«...В России мы имеем фундамент первобытно-коммунистического характера, *родовое общество, предшествующее эпохе цивилизации*, правда рассыпающееся теперь в прах, но все еще служащее тем фундаментом, тем *материалом, которым оперирует* и действует капиталистическая революция <...> в России развитие из *первобытного аграрного коммунизма более высокой социальной формы* могло бы стать возможным не

больше, чем во всяком другом месте, если бы только эта более высокая форма не существовала уже в какой-либо другой стране и не служила бы в качестве образца. Эта более высокая форма — всюду, где она исторически возможна, — является необходимым следствием капиталистической формы производства и создаваемого ею социального дуалистического антагонизма, она не может развиться непосредственно из земельной общины иначе, как в виде подражания примеру, уже где-либо существующему».

В современных условиях в России можно было бы «либо развить общину в такую форму производства, от которой ее отделял еще ряд промежуточных исторических ступеней и для осуществления которой условия еще не созрели тогда (то есть для коммунистической революции в 1860—1870 годах. — В. С.) даже на Западе — задача, очевидно, невозможная, — либо развиваться в направлении капитализма. Спрашивается, что оставалось еще, кроме этого последнего шанса?

Что касается общины, то она возможна лишь до тех пор, пока имущественные различия между ее членами ничтожны. Как только эти различия становятся значительными... ее дальнейшее существование невозможно... Боюсь, что этот институт осужден на гибель. Но, с другой стороны, капитализм открывает новые перспективы и новые надежды... (курсив мой. — В. С.)» [21. С. 128—130].

Как видно, Ф. Энгельс, в отличие от К. Маркса, считал, что социалистическая революция в России — дело отдаленного будущего, и поэтому не придавал практического значения ни коммунистическому характеру сельской общины, ни ее потенциальным возможностям сыграть значительную роль в будущей пролетарской революции. Разногласия очевидны. Удивителен не факт их существования, а то, что в великом множестве других важнейших вопросов Маркс и Энгельс проявляли поразительное совпадение своих взглядов и оценок.

Вопрос о причинах этих разногласий интересен и важен, он требует специального исследования, далеко выходящего за рамки настоящей статьи. Мы лишь отметим, во-первых, факт отсутствия данных об отказе Маркса от новых взглядов и оценок. Во-вторых, у нас нет достаточной информации о создании «Предисловия» ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии»; мы ничего не знаем о том, как Энгельс и Маркс обсуждали вопросы, относящиеся к перспективам русской революции и сельской общины. В-третьих, аргументации Маркса, опиравшегося на собственное серьезное изучение истории и современного положения России, Энгельс противопоставил информацию, почерпнутую из книг по истории древней, средневековой и современной ему Европы (вот аргументы, которые приводит Ф. Энгельс в пользу своих выводов в письме Н. Ф. Даниельсону: «Афинские кулаки и мироеды до Солона разрушили афинский род с той же неумолимостью, с какой кулаки и мироеды вашей страны разрушают общину» [21. С. 130]). Выводы, справедливые в отношении европейских стран, он без должного основания, некритически распространил на историю, настоящее и будущее России.

Очевидно, что в этом случае Маркс и Энгельс серьезно разошлись в вопросах методологии исследования исторических процессов, причем важнейших с точки зрения марксизма — развития и смены социально-экономических формаций.

Г. В. Плеханов

После смерти К. Маркса авторитет Ф. Энгельса в вопросах марксизма был непререкаем для российских социал-демократов. Не владея информацией о новых взглядах и оценках Маркса относительно наличия социалистического потенциала в русской сельской общине и возможности использования его в интересах социалистической революции в России, они в вопросах, относящихся к ней, руководствовались оценками и советами Энгельса, который часто высказывался по ним.

Возможно, именно поэтому Г. В. Плеханов не смог принять даже те оценки К. Маркса, которые содержались в его письме В. Засулич. Вот они: «В основе капиталистической системы лежит... полное отделение производителя от средств производства... основой всего этого процесса является *экспроприация земледельцев*... историческая неизбежность этого процесса *точно* ограничена *странами Западной Европы*», в которых именно так происходит процесс *«превращения одной формы частной собственности в другую форму частной собственности»*. У русских же крестьян пришлось бы, наоборот, *превратить их общую собственность в частную собственность*».

Руководствуясь оценками Энгельса относительно перспектив революции в России, Плеханов настойчиво проводил мысль о необходимости исчерпания любой существующей социально-экономической формацией своего потенциала как условия перехода к более высокой формации, а также об опасности преждевременного начала социалистической революции [13. С. 94, 99, 105—106]. В трактовке сельской общины и ее роли в будущей русской революции он лишь повторял принципиальные положения «Предисловия» ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии». Так, например, в работе «Социализм и политическая борьба» (1883) он, солидаризируясь с Энгельсом, цитировал его: «современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития», если «русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга» [14. С. 47; 12. С. 305]. Обращение к проблематике сельской общины не означало проявления у Плеханова политического интереса к ней, так как служило лишь доказательством того, что учение Маркса и Энгельса, разработанное на материале более развитых европейских стран, применимо и к России, поскольку учитывает «экономические особенности» социального и политического развития разных стран [14. С. 47].

Будучи уверен, что социалистическая революция в России — дело далекого будущего, что ко времени ее начала социальная дифференциация крестьянства приведет к разрушению сельской общины, Г. В. Пле-

ханов не придавал вопросу о ее роли в ней серьезного политического значения и не анализировал его. В 1894 году в предисловии к брошюре «Энгельс Ф. О России», в которой была напечатана его статья «Ответ Ткачеву» (1875), Г. В. Плеханов солидаризировался с Энгельсом в отрицании способности русской сельской общины сыграть сколь-нибудь важную роль в русской революции. Он писал о «предрассудке», связанном с представлением о «чудодейственных свойствах русской общины, которая будто бы сама собою, в силу внутренней своей природы, стремится перейти в социалистическую форму общежития». «Энгельс, — продолжал он, — прекрасно обнаруживает ошибочность этого взгляда и убедительно доказывает, что подобный переход мог бы стать возможным лишь при влиянии на русскую крестьянскую массу социалистического пролетариата, когда этот последний станет господином положения на Западе» [9. С. 30]. Конечно, этот выпад был направлен не против Маркса, а против народников; но он свидетельствует о том, насколько Плеханов в этом вопросе был далек от марковского взгляда на ситуацию.

Солидаризируясь с Ф. Энгельсом, он писал, что «остатки русской общины» может «спасти» только «революция в России», «низвергающая царский деспотизм» (то есть буржуазная, а не социалистическая, как считал К. Маркс), которая «даст новый толчок рабочему движению Запада», создаст «ему лучшие условия борьбы и тем ускорит победу промышленного пролетариата, без которого современная Россия не сможет прийти к социалистическому перевороту ни через общину, ни через капитал» [9. С. 31—32]. Итак, о роли русской сельской общины в социалистическом преобразовании страны можно говорить только после победы пролетарской революции в странах Европы.

Даже тогда, когда Г. В. Плеханов обращался к проблемам некапиталистического пути развития (о чем писал Маркс в черновиках письма Засулич) — как, например, в работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895) [9. С. 259—264], — он ничего не говорил о русской сельской общине как факторе развития революции в России.

Очевидно, такие взгляды на русскую социалистическую революцию и судьбу сельской общины вполне отвечали его собственным убеждениям. В этом случае для него был смысл не только игнорировать письмо К. Маркса В. Засулич, но и сохранять его втайне от российских социал-демократов. Так было и в середине 1880-х годов, и в 1890-е, когда его авторитет среди них был огромен. Так было и два десятилетия спустя — в 1917-м, когда его авторитет в их среде стал ничтожным. Об этом свидетельствует цикл его работ, относящихся к периоду между Февральской буржуазно-демократической и Великой Октябрьской социалистической революциями.

Так, 20 мая 1917 года в статье «Борьба наемного труда с капиталом (вниманию сознательных рабочих)» он писал: «Толковать об организации социалистического общества в нынешней России, значит вдаваться в несомненную и, притом, крайне вредную утопию» [13. С. 129]. Наиболее ясно и очень образно эта мысль выражена им 20 июня 1917 года в статье «Логика ошибки», в которой он, осуждая В. И. Ленина, писал:

«...*русская история еще не смолала той муки, из которой будет со временем испечен пшеничный пирог социализма* (курсив мой. — В. С.)» [13. С. 219]. В своем выступлении 15 августа 1917 года на московском Государственном совещании он так определил время, необходимое на этот «помол»: России «предстоит пережить еще более или менее длинный период капиталистического развития» [13. С. 105—106].

Итак, пролетарская революция еще не скоро, вопрос о роли сельской общины в ней не актуален... Все это говорилось в условиях назревавшего социального взрыва, чреватого началом социалистической революции в России, стране с гигантским преобладанием крестьянского населения, основная масса которого в ходе столыпинской реформы продемонстрировала свою заинтересованность в сохранении общины. Марксизм, говорил И. В. Сталин на VI съезде РСДРП(б), бывает творческим и догматическим [18. С. 187]. В вопросах социалистической революции в России Плеханов зарекомендовал себя сторонником последнего, выше этого уровня он подняться не смог, что, конечно, не умаляет его значения как пропагандиста марксизма.

В. И. Ленин

В. И. Ленин и большевики тоже ничего не знали о мыслях К. Маркса относительно социалистического потенциала российского крестьянства, сохранявшегося и развивавшегося благодаря сельской общине (исключение составляли Д. Б. Рязанов, Н. И. Бухарин, Е. Смирнов, которые в 1912—1913 годах работали над переводом черновиков писем К. Маркса В. Засулич [16. С. 265—268]). Они также руководствовались теорией пролетарской революции и поэтому тоже не отводили сельской общине в ней никакой положительной роли, расценивая ее как пережиток феодализма, мешавший развитию буржуазных отношений в деревне, а значит — и отдалявший начало пролетарской революции. Однако В. И. Ленин являл собой яркий пример творческого отношения к марксизму. В отличие от Плеханова (и меньшевиков), он искал возможность (в рамках концепции пролетарской революции) вовлечь в борьбу за ее победу ту часть крестьянства, которая в принципе могла проявлять в ней какую-то заинтересованность.

Известно, что достичь этого сначала предполагалось с помощью классового союза с крестьянской беднотой (полупролетариатом), при политической нейтрализации средних слоев крестьянства, расцениваемых как мелкая буржуазия. Затем, с учетом накопленного политического опыта, с помощью политики военно-политического союза со средним крестьянством при опоре на бедноту. При этом экономические отношения с крестьянскими хозяйствами намеривались выстраивать на основе продуктообмена, с помощью организации потребительско-сбытовой кооперации, колхозов и совхозов, которые, однако, из-за Гражданской войны, разрухи, невозможности оказания крестьянам материально-технической помощи со стороны государства не получили должного пространства и развития.

После окончания Гражданской войны стало ясно, что надежды на включение крестьянского хозяйства в социалистическую экономику с помощью системы прямого продуктообмена не оправдались: слабые в хозяйственном отношении колхозы оказались непривлекательными для крестьян, а единоличное крестьянское хозяйство не могло нормально функционировать, не используя рыночные механизмы. Предложенная В. И. Лениным новая экономическая политика учла эти реалии, что позволило предотвратить развитие крестьянской контрреволюции и начать выстраивать взаимоприемлемые и взаимовыгодные хозяйственные отношения с трудящимся крестьянством (экономический союз с ним) на основе товарно-денежных отношений. Нэп позволял выиграть время для поиска конкретных способов и форм решения аграрно-крестьянского вопроса, отвечавших интересам и рабочих, и крестьян, и интересам построения социализма.

Вместе с тем В. И. Ленин рассматривал нэп не просто как уступку крестьянству, а как шаг к социализму, по мере продвижения к которому необходимо будет начать переходить от торговли к товарообмену, а затем — к прямому продуктообмену, позволяющего удовлетворить хозяйственные потребности трудящегося крестьянства. Переход к нему он расценивал как завершение процесса создания фундамента социализма [7. С. 219, 220; 5. С. 276; 8. С. 502—503]. Такой эволюции нэпа, по мнению Ленина, могла способствовать кооперация крестьян.

Свои мысли относительно ее использования в интересах строительства социализма Ленин суммировал в двух диктовках, 4 и 6 января 1923 года, посвященных этой теме, являющихся на самом деле двумя вариантами проработки одной темы (на это указывают пометы, имеющиеся на текстах записей диктовок и хранящаяся с ними записка [РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23541. Л. 15, 20, 33]). Результатом этих диктовок Ленин остался недоволен, на что указывает другая записка: «Ни один вариант неудовлетворителен, ибо оба содержат в себе часть неверно фор[мулированных] положений, неверных теоретически и обе требуют т[аким] обр[азом] переделки. 7/1 — 23» [РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23541. Л. 34]. Позднее обе диктовки были опубликованы в виде статьи «О кооперации», состоящей из двух частей. Поскольку в этой записке не уточняется, чем именно В. И. Ленин был недоволен, то перед исследователями возникают определенные трудности в оценке сформулированных им положений. О них можно только догадываться. Однако это не мешает изучению направления его поиска решения аграрно-крестьянской проблемы и ознакомлению с теми проблемами, вокруг которых «вращалась» его мысль, их оценок, а также практических предложений. Важно только не «вырывать» высказанные Лениным мысли и оценки из системы его взглядов на процесс строительства социализма, развивавшихся в период нэпа.

В. И. Ленина в это время крайне беспокоили нерешенность проблемы вовлечения крестьянства в социалистическое строительство, перспектива обострения отношений с ним и вследствие этого — угроза новой крестьянской контрреволюции. Так, например, в марте 1922 года на XI съез-

зде РКП(б) он говорил, что «с русским капитализмом, с тем, который растет из мелкого крестьянского хозяйства... предстоит в ближайшем будущем бой, срок которого нельзя точно определить. Тут предстоит “последний и решительный бой”, тут больше никаких, ни политических, ни всяких других, обходов быть не может» [9. С. 77, 83]. В статье «Как нам реорганизовать Рабкрин» (январь 1923 год) он в очередной раз указал на эту опасность, связав ее с возможным усилением влияния буржуазии на крестьянство [6. С. 387—388].

Конечно, В. И. Ленин не был врагом крестьянства — как его иногда представляют, но он опасался его враждебных действий против Советской власти и делал все, что мог, в рамках концепции пролетарской революции, чтобы избежать столкновения с крестьянством и обеспечить сотрудничество с ним в процессе строительства социализма. Для этого требовалось как минимум найти альтернативу стихийной тенденции воспроизводства мелкобуржуазным крестьянством капиталистических отношений. Иначе говоря, не принимая в расчет тот природный дуализм общинного крестьянства, на который указывал К. Маркс, и, естественно, не предлагая использовать его, В. И. Ленин предложил обеспечить формирование аналогичного ему дуализма в советском крестьянстве (альтернативный путь развития) с помощью методов, присущих экономической политике. Это не противоречило взглядам К. Маркса о том, что судьба дуализма сельской общины зависит от исторической среды, создаваемой политическими средствами (политика, направленная на разрушение или сохранение и развитие общины).

В. И. Ленин вел поиск хозяйственных форм, во-первых, приемлемых для крестьян, во-вторых, обеспечивающих взаимодействие их хозяйства с социалистическим сектором экономики, в-третьих, способствующих, а не мешающих становлению социализма. Кооперация отвечала этим требованиям.

Поэтому В. И. Ленин вел поиск хозяйственных форм, во-первых, приемлемых для крестьян, во-вторых, обеспечивающих взаимодействие их хозяйства с социалистическим сектором экономики, в-третьих, способствующих, а не мешающих становлению социализма. Кооперация отвечала этим требованиям. Крестьянам она была хорошо известна и доступна: в условиях нэпа, как и при капитализме, она была связана с рынком, стимулом участия в ней крестьян служило стремление получить дополнительную прибыль. Поэтому Ленин и называл ее «торгашеской».

Однако политические и социально-экономические условия, в которых она действовала, были иными, чем прежде. Это, по его мнению, позволяло использовать ее в интересах построения социализма.

В. И. Ленин говорил, что существующая политическая система и классовый союз «пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян» (при руководящей роли пролетариата в нем), а также найденная в нэпе нужная «степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам» создали условия, при которых «максимальное кооперирование» «русского населения». Говоря о «русском населении», В. И. Ленин имел в виду русских крестьян («русские люди или просто крестьяне»), что, конечно, не исключало принципиальной возможности распространения этих выводов на другие народы Советского Союза [б. С. 370, 373], у которых «есть все, что нам нужно» для возникновения социализма, «для построения полного социалистического общества». И делал важную оговорку: «Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения» [б. С. 369—370]. Смысл этой оговорки таков: советское общество в условиях нэпа с развитой системой крестьянской кооперации нельзя считать социалистическим обществом. Это общество, продвигающееся к социализму.

Способность такой кооперации служить делу построения социализма В. И. Ленин связывал с тем, что она, во-первых, позволяла перейти к социализму «путем возможно более *простым, легким и доступным для крестьянина*» (материальный интерес, знакомые формы и методы работы). В данном случае он считал это «главным» [б. С. 370]. Во-вторых, кооперация способствовала решению ряда сложнейших социально-экономических проблем социалистической революции. Она позволяла не только обеспечить развитие единоличных крестьянских хозяйств, но и вела к уменьшению их зависимости от частно-капиталистического сектора (кулака, перекупщика и т. д.), а следовательно, и влияния на крестьян-кооператоров частного капитала и мелкобуржуазной стихии. Но главное — она создавала условия для расширения контактов крестьянских хозяйств с социалистическим сектором экономики, что не только способствовало его развитию, но и стимулировало развитие у кооператоров коллективистской психологии [б. С. 370, 376 — 377].

Реализацию этих возможностей Ленин, как и Маркс, связывал с целенаправленной деятельностью революционной власти и общества. Имеющиеся в их предложениях различия носили непринципиальный характер и были обусловлены разными условиями, в которых они вели разработку этой проблемы. Маркс предполагал использовать для этого сельские общины и крестьянские артели, не предопределяя заранее направления их развития и форм, которые они могут принять [10. С. 66]. Ленин рассчитывал решать эту задачу с помощью советского государства, а не сельской общины, вытесняемой новой, более высокой советской организацией крестьянства, а также крупных сельскохозяйственных предприятий (колхозы, совхозы). Он предлагал поддерживать

кооперацию, обеспечив ей «ряд привилегий экономических, финансовых и банковских», стимулировать кооператоров премиями, а также пропагандировать среди крестьян хозяйственную выгоду от их участия в кооперации. Как на условие успеха этой работы он указывал на необходимость цивилизовать крестьян, понимая под цивилизованностью не только обеспечение поголовной грамотности, но и умение пользоваться ею в интересах развития своего хозяйства (в том числе и умение быть «толковым и грамотным торгашом»), а также обеспеченности от неурожая, голода и т. д. [б. С. 373].

Именно такой цивилизованностью был обусловлен его итоговый вывод, которым завершался первый вариант диктовки: «...строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией — это есть строй социализма» [б. С. 373]. Если учесть, что классовая победа пролетариата над буржуазией означала победу социализма над капитализмом, то очевидно, что кооперация в этих условиях тоже должна была превратиться в социалистическую форму производства.

Несмотря на эту обнадеживающую перспективу, без ответа оставался вопрос «как прийти к жизни такой?». Без ответа оставался и вопрос о том, как «торгашеская» кооперация, даже цивилизованная, сможет изменить социальную природу (мелкобуржуазную) крестьян, ведущих единоличное, связанное с рынком хозяйство. Этот процесс мог происходить только в рамках крупных сельскохозяйственных предприятий (колхозы, совхозы), использующих современную технику в массовом масштабе. Но «торгашеская» кооперация, в случае хозяйственного успеха, не могла стимулировать крестьян к объединению своих хозяйств с хозяйствами других крестьян в колхозы. Не способна она была обеспечить и перевод единоличных крестьянских хозяйств на базу современной сельскохозяйственной техники (тракторы и пр.). Наконец, для достижения ею должного уровня цивилизации, обеспечивавшего «переход к социализму», требовалась, по оценке Ленина, «целая историческая эпоха» — 10—20 лет [б. С. 369—370, 371—373].

Последнее обстоятельство немало заботило В. И. Ленина, признававшего в своей последней статье «Лучше меньше, да лучше», что «продержаться нам вплоть до победы социалистической революции в более развитых странах нелегко, потому что мелкое и мельчайшее крестьянство, *особенно при нэпе*, держится по экономической необходимости на крайне низком уровне производительности труда (курсив мой. — В. С.)» [б. С. 401].

Иначе говоря, «торгашеская» кооперация могла служить решению ряда актуальных для того времени политических и экономических вопросов строительства социализма, но не гарантировала его построение, поскольку сама по себе она не могла ни обеспечить должного экономического развития страны, ни изменить мелкобуржуазной природы, участвующих в ней крестьян. Возможно, отсутствие положительного ответа на эти вопросы (и массу других, связанных с ними) вызывало у Ленина неудовлетворенность этой диктовкой и потребность продолжить раз-

работку этой проблемы, обратившись к выявлению социалистического потенциала производственной кооперации в условиях нэпа.

К этим вопросам В. И. Ленин обратился во второй диктовке. Правда, в ней он не употреблял терминов «производственная кооперация» или «колхоз», «артель». Он говорил о «кооперативных предприятиях». Однако есть достаточно оснований утверждать, что речь шла именно о производственной кооперации (колхозах).

Прежде всего отметим, что в первой диктовке, говоря о «торгашеской» кооперации, с которой связана работа, он не поднимал вопрос о земле. Говоря об условиях ее использования в интересах социализма, В. И. Ленин ограничивался указанием, во-первых, на ее связь с существующей политической системой (власть в руках рабочего класса и политический союз его с крестьянством), во-вторых, на собственность государства на «все» или «все основные» «средства производства» [б. С. 369, 370, 373]. Во второй диктовке он, рассуждая о кооперации, ни единого раза не использовал термин «торгашеская». Его внимание привлечено к *кооперативным «предприятиям», основанным на земле, принадлежащей государству*. Следовательно, *речь шла о кооперативных предприятиях, работа которых связана с землей, то есть о производственной кооперации*, а не о потребительской, сбытовой или кредитной.

Итак, когда у В. И. Ленина речь идет о «торгашеской» кооперации — ни слова о земле, а когда речь идет о производственной кооперации и земле — ни слова о «торгашеской» кооперации. И это понятно. Для определения социального характера «торгашеской» кооперации (потребительской, сбытовой, кредитной) и ее способности служить делу построения социализма вопрос о том, на чьей земле находится кооперативная торговая точка, не имеет никакого значения.

Ситуация меняется, как только речь заходит о производственной кооперации (колхоз), для которой главные проблемы были связаны не с реализацией продукции (торговля), а с ее производством, с работой на земле. Во второй диктовке указание Ленина на связь какого-либо предприятия с *землей* (принадлежащей государству) *выступает как один из важных факторов, определяющих характер данного предприятия как социалистического*.

Так, выясняя характерные признаки *тех государственных предприятий, которые можно было отнести к предприятиям последовательно социалистического типа*, он выделяет три признака: «и *средства производства* принадлежат государству, и *земля*, на которой стоит предприятие, и *все предприятие в целом* (курсив мой. — В. С.)» [б. С. 374]. Вслед за этим он ставит вопрос об условиях, которым должны отвечать социалистические кооперативные предприятия: «При нашем существующем строе (диктатура пролетариата, нэп.— В. С.) *предприятия кооперативные... не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству*, т. е. рабочему классу (курсив мой. — В. С.)». Поэтому, продолжал он, «кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом» [б. С. 375].

Как видно, В. И. Ленин здесь указывает на ту же жесткую, нерасчленимую связь («основаны на земле, при средствах производства, *принадлежащих* государству»), что и в отношении государственных предприятий последовательно социалистического типа. В отношении кооперативных предприятий опущено, как неуместное применительно к ним, третье условие (государственная собственность на «все предприятие в целом»). *Разница между государственными предприятиями, характеризующимися как предприятия последовательно-социалистического типа, и кооперативными, характеризующимися как «не отличающиеся от предприятий социалистических», заключается только в этом, третьем, условии*, фиксирующем лишь различие форм социалистических предприятий и их особенности.

Использование В. И. Лениным для определения социалистического характера государственных и кооперативных предприятий наряду с землей также и средств производства, принадлежащих государству, позволяет более точно установить смысл его указаний на значение государственной собственности на средства производства, с одной стороны, в отношении «торгашеской», а с другой — к производственной кооперации. Применительно к «торгашеской» кооперации это условие является общеполитическим, общеэкономическим, оно не распространяется на орудия труда, которые используют кооператоры, ведущее единоличное хозяйство. Это очевидно, поскольку они используют орудия труда, принадлежащие им на правах частной собственности или арендуемые у других частных собственников.

В отношении производственной кооперации речь идет не только об общеполитическом, общеэкономическом условиях (это подразумевается), но и о функционировании колхозов с использованием средств производства, принадлежащих государству. Такая постановка вопроса для В. И. Ленина не была неожиданна или нова. Известно, что на VIII съезде РКП(б) он рассчитывал на вовлечение крестьян-середняков в процесс социалистического строительства именно *с помощью направления государством* в деревню современных средств производства: «Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, *снабдить* их бензином, *снабдить* их машинистами... то средний крестьянин сказал бы: “Я за коммунию” (т. е. за коммунизм) (курсив мой. — В. С.)» [3. С. 204]. Очевидно, что о продаже тракторов, бензина, тем более о машинистах (трактористах, ремонтниках) речи быть не могло. Речь могла идти только о предоставлении советским государством крестьянам возможности использования техники и труда механизаторов на условиях продуктообмена между городом и деревней.

Указание В. И. Ленина на связь социалистических предприятий с работой на земле, принадлежащей государству, при использовании ими принадлежащих ему средств производства в достаточной степени проясняет вопрос не только о социалистическом характере таких колхозов, но и о том, что в социалистическом строительстве они, в отличие от «торгашеской», участвовали именно как социалистические кооперативные предприятия, в которых, следовательно, происходил процесс превращения

мелкобуржуазного класса крестьян в социалистическое колхозное крестьянство. Поэтому они естественно вписывались в формирующееся социалистическое общество как органичная часть его («совпадают с социализмом», как говорил Ленин [6. С. 375]).

Вместе с тем В. И. Ленин считал, что время широкого распространения производственной кооперации придет еще не скоро, поскольку страна разорена, народное хозяйство нуждается в восстановлении, тяжелая промышленность не способна обеспечить технику колхозы в сколь-либо значимых размерах. Во всяком случае, задачи их создания в практическом плане он не ставил, говоря лишь о необходимости подготовки общеполитических предпосылок (совершенствование госаппарата, налаживание работы РКИ, культурная революция) и мечтая о развитии отечественной промышленности [6. С. 376—377, 404—406].

В своих диктовках, посвященных кооперации, В. И. Ленин сформулировал принципиальные положения, которые, с одной стороны, вполне соответствовали общему направлению рассуждений Маркса, а с другой — уточняли существовавшие представления о путях и способах решения аграрно-крестьянского вопроса в российской социалистической революции.

И. В. Сталин

Эволюция взглядов большевиков на проблему вовлечения крестьянства в социалистическую революцию и последние работы В. И. Ленина по этой теме, а также ознакомление с черновиками писем К. Маркса В. Засулич и письмами к ней (опубликованы в мае 1924 года [1. С. 270—286]) создали условия для того, чтобы по-новому взглянуть на аграрно-крестьянские проблемы в социалистической революции и, следовательно, на все другие, связанные с ними, практические вопросы строительства социализма в СССР. Однако в руководстве РКП(б) мало кто принял и учел их в своих взглядах. И. В. Сталин был первым, кто воспринял их как руководство к действию и использовал, разрабатывая ключевые проблемы построения социализма в СССР.

Прежде всего это проявлялось в акцентировании им роли крестьянства как единственной в данный момент силы, на которую могла опереться Советская власть. Только крестьянство, говорил он, «дает нам прямую помощь теперь же, дает армию, хлеб и пр. С этим союзником, т. е. с крестьянством, мы работаем вместе, мы вместе с ним строим социализм, хорошо ли, плохо ли, но строим, и мы должны уметь ценить этого союзника... Вот почему на первый план нашей работы мы выдвигаем теперь вопрос о крестьянстве» [20. С. 21, 26—29].

Кроме того, Сталин стал иначе, чем Ленин, оценивать социальную природу трудящегося крестьянина-единоличника, а также его заинтересованность в социализме. Чтобы понять суть разницы в их оценках, достаточно сравнить две цитаты. Напомним: на XI съезде РКП(б) В. И. Ленин говорил, что «с русским капитализмом, с тем, который растет из мелкого крестьянского хозяйства... предстоит в ближайшем буду-

щем бой... Тут предстоит “последний и решительный бой”, тут больше никаких, ни политических, ни всяких других, обходов быть не может» [9. С. 77, 83]. Последние статьи Ленина, продиктованные в начале 1923 года, не перечеркивают этих оценок и прогнозов [6. С. 387—388]. Иначе говоря, реальной ему представлялась перспектива противостояния с крестьянством как носителем враждебной социализму силы. Ленину тогда никто не возражал: в этом вопросе все были с ним согласны.

Два года спустя, в мае 1925 года, подводя итоги XIV конференции РКП(б), И. В. Сталин оценивал социально-политический потенциал советского крестьянства уже иначе: «...существуют два пути развития земледелия: путь капиталистический и путь социалистический... Как пролетариат, так и, в особенности, крестьянство заинтересованы в том, чтобы развитие пошло по второму пути, по пути социалистическому... диктатура пролетариата, имеющая в своих руках основные нити хозяйства, примет все меры к тому, чтобы победил второй путь, путь социалистический. Само собой понятно, с другой стороны, что крестьянство кровно заинтересовано в том, чтобы развитие пошло по этому второму пути. Отсюда общность интересов пролетариата и крестьянства, покрывающего противоречия между ними (курсив мой. — В. С.)» [19. С. 110—111].

Прежде у большевиков, в соответствии с «Манифестом Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, считалось аксиомой, что в социализме заинтересован только пролетариат (городской и сельский), а также крестьянская беднота, классовый интерес которой толкал ее к социалистическому преобразованию деревни и сельского хозяйства [4. С. 434].

Теперь Сталин говорил, что вся масса трудящихся крестьян заинтересована в социализме не меньше, чем пролетариат. Следовательно, советское крестьянство не надо «вводить» в социализм, хотя и неспешно, но вопреки его социальной природе, воле и желанию, «подманивая» его перспективой получения экономической выгоды. Не отказываясь от использования фактора материальной заинтересованности для соединения крестьянского хозяйства с социалистическим сектором экономики, необходимо было словом и делом помочь крестьянству, во-первых, понять свою, не только экономическую, но и социальную, и политическую выгоду от перехода к социалистическим формам и методам ведения сельского хозяйства. И во-вторых, помочь ему самому принять этот путь своего развития и встать на него.

Новацию И. В. Сталина следует оценить по достоинству. Очевидно, что основные положения, сформулированные им, полностью отвечали взглядам Маркса относительно социалистического потенциала русского общинного крестьянства и возможности использовать его в интересах социалистической революции в России. И. В. Сталин при этом делает шаг не от универсальной концепции пролетарской революции, а к ее интеграции со второй схемой развития социалистической революции, разработанной Марксом специально для России. Он делает шаг не от Ленина, а к Марксу, к более полному пониманию возможностей разви-

тия социалистической революции в СССР и строительства социализма в нем.

Вслед за этим И. В. Сталин предложил уточнить представление о социальной природе среднего крестьянства, которое большевиками всегда воспринималось как классический представитель *мелкой буржуазии*. Термин «мелкая буржуазия» фиксирует в первую очередь буржуазный характер крестьянства. Уточняющая приставка («мелко-») не меняет этой оценки его социальной природы (недаром В. И. Ленин говорил, что из мелкобуржуазного крестьянства растет капитализм). Она указывала на дуализм крестьянина (труженик и собственник), который никак не был связан с прояснением вопроса о наличии или отсутствии у него социалистического потенциала. Маркс говорил о другом дуализме, который прямо указывал на наличие социалистического потенциала в русском крестьянстве и позволял по-новому взглянуть на перспективы развития социалистической революции в России.

13 апреля 1926 года, отвечая на записки, поданные ему во время доклада на собрании ленинградской партийной организации об итогах апрельского (1926) пленума ЦК ВКП(б), И. В. Сталин сказал: «Та часть среднего крестьянства, которая не входит в кооперацию, ведет накопление по линии несоциалистической, но назвать середняка капиталистом я не могу» [РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2772. Л. 71]. Фиксируя мелкобуржуазный характер этих крестьян, он *подчеркивал факт отсутствия у них отношений «хозяин — наемный работник»*, являющийся необходимым признаком капиталистических отношений. «Капитализм — это такая система хозяйства, — говорил он, — где имеются хозяева, оторванные от производства, и наемный труд... в мелком хозяйстве и в среднем хозяйстве такой системы взаимоотношений не имеется, не имеется системы капиталистических взаимоотношений» [РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2772. Л. 71].

Если мелкобуржуазное крестьянство не имеет такого важного признака капиталистического хозяйства и *не является капиталистическим классом даже в условиях капитализма*, то, следовательно, крестьянин *в принципе не чужд социализму, как чужд ему любой капиталист*. Фактически, И. В. Сталин указывал на наличие у советского крестьянства такого же дуализма, какой отмечал у русского общинного крестьянства Маркс, и, таким образом, развивал мысль о присущем ему социалистическом потенциале. Конечно, Сталин не отрицал того факта, что из мелкого и мельчайшего крестьянства постоянно растет капитализм, с которым необходимо вести борьбу, что незначительная часть крестьян становилась или имела шанс стать кулаком, то есть капиталистом. Но вместе с тем он считал, что это не дает оснований смотреть на все среднее крестьянство исключительно как на класс, враждебный социализму, не заинтересованный в нем, как заинтересован в нем пролетариат.

Предложенный И. В. Сталиным поворот аграрно-крестьянской проблемы и взгляда на нее позволял снять важную идеологическую и психологическую препону, мешавшую большевикам увидеть этот дуализм

в русском крестьянстве и серьезно расширить прежние представления о возможности вовлечения различных слоев крестьянства в колхозное строительство. Прежде считалось: колхозы будут выгодны для крестьян-бедняков, сбытовая и потребительская кооперация — для крестьян-середняков, кредитная — для кулаков. Сталинская новация позволяла поставить вопрос о начале подготовки массовой (а затем и сплошной) коллективизации за счет вовлечения в нее и бедняцких, и середняцких хозяйств с использованием привычной им формы — сельскохозяйственной артели.

Вопрос об обеспечении колхозов современной техникой, принадлежащей государству, также решался в полном согласии с мыслями, высказывавшимися и К. Марксом, и В. И. Лениным. Колхозы были обеспечены ею государством на договорной основе (МТС), поступление этой техники осуществлялось в массовом и постоянно возраставшем масштабе, что позволило им начать превращаться в крупные современные сельскохозяйственные предприятия. Только проведение такой коллективизации позволило советской деревне обеспечить страну своей продукцией, процесс индустриализации — людскими ресурсами, а также решить важнейшую социальную задачу — обеспечить превращение мелкобуржуазного крестьянства в класс социалистического общества (колхозное крестьянство).

Какую роль в коллективизации сельского хозяйства и социалистическом преобразовании общества сыграла сельская община? И. В. Сталин сказал об этом вполне определенно 17 мая 1944 года, объясняя прибывшему из США польскому профессору Оскару Ланге принципиальную разницу в подходах к решению аграрно-крестьянского вопроса в стране, где до последнего времени функционировала и развивалась крестьянская община (Россия, СССР), и в стране, где она уже исчезла (Польша). Сталин говорил: «...мы начали коллективизацию лишь в 1930 году. До этого времени мы все время проверяли, как к этому отнесется крестьянство. *Основой для колхозов послужили супруги, которые раньше существовали у славян.* Колхозы должны вырасти сами (курсив мой. — В. С.)» [РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 354. Л. 56].

Слушаешь Сталина — вспоминаешь Маркса.

Супруга (супружество, супруг, супруга, упряжь и пр.) — совместное хозяйство, общая работа. Содружество по поводу обеспечения жизненного процесса, то есть община. Совместная обработка земли двумя или несколькими хозяевами, то есть форма артельной работы [17. С. 308]. Итак, все дело — в крестьянской общине, в которой формируется и развивается его социалистический потенциал. В российском крестьянстве он был. Его использовали, как и предлагал К. Маркс, в интересах социалистического преобразования советской деревни, сельского хозяйства и всей страны.

Таким образом, коллективизацию сельского хозяйства СССР Сталин проводил в полном соответствии как с общими теоретическими положениями Маркса, так и с его новой (второй) концепцией развития социалистической революции, намеченной им специально для

России. Интересно, что сам Сталин свой вклад в разработку проблем социалистического преобразования сельского хозяйства в СССР оценивал выше, чем в разработку проблем индустриализации. Редактируя текст первого издания своей биографии для подготовки ее второго издания, он определил их следующим образом. Об индустриализации: «Опираясь на указания Ленина, Сталин разработал положения [вписано И. В. Сталиным вместо слова «учение» (курсив мой. — В. С.)] о социалистической индустриализации нашей страны». О коллективизации: «Сталин разработал и претворил в жизнь практически теорию коллективизации сельского хозяйства» [2. С.118]. Полагаю, И. В. Сталин имел все основания для такой оценки своего вклада в решение самого сложного в теоретическом и практическом отношениях вопроса социалистической революции в России — аграрно-крестьянского. Предложенное им решение позволило превратить борьбу малочисленного российского пролетариата за социализм в борьбу за него абсолютного большинства народа, а начавшейся в октябре 1917 года пролетарской революции придать характер истинно народной социалистической революции. Этот процесс соответствует представлениям К. Маркса о коллективизации как втором этапе социалистической революции, подготавливаемом и проводимом революционной властью «сверху» и в основном — мирными политическими и социально-экономическими средствами.

Оценки И. В. Сталиным социалистического потенциала советского крестьянства, его взгляды на перспективы отношений с ним настолько отличались от принятых ранее в большевистской партии, что позволяют говорить о том, что в середине 1920-х годов на основе творческого соединения результатов анализа опыта революции, проведенного В. И. Лениным, и идей Маркса, он начал глубокую переработку плана строительства социализма в СССР, намеченного и разрабатывавшегося В. И. Лениным. В результате И. В. Сталин не только интегрировал, но и развил ряд фундаментальных теоретических и политических положений К. Маркса и В. И. Ленина относительно возможностей вовлечения российского крестьянства в процесс строительства социализма и обосновал возможность и необходимость начать подготовку социалистического преобразования деревни.

*В ходе этой работы речь фактически шла не только о плане построения социализма в СССР, но и о разработке новой концепции социалистической революции. От ленинской концепции ее отличала, в первую очередь и в основном, иная (присущая Марксу) оценка социалистического потенциала российского крестьянства. А от высказанных Марксом идей о социалистической революции в России она отличалась обстоятельной проработкой проблем, связанных с сочетанием *первой* (пролетарской) и *второй* (условно, «общинно-крестьянской») концепций социалистической революции, которые у Маркса были лишь обозначены в рамках общей постановки вопроса и совершенно не разработаны. Теперь имелась возможность конкретизировать общие положения, высказанные им, учесть обстоятельства и условия развития революции в*

СССР, и появилась необходимость практически обеспечить органичное сочетание социалистических потенциалов советского рабочего класса и советского крестьянства.

Сочетание первой и второй концепций социалистической революции нашло свое отражение в плане построения социализма в виде политических установок на органичное сочетание индустриализации страны, осуществляемой по сталинскому варианту, и коллективизации сельского хозяйства, теоретически обоснованному им и осуществленному под его руководством, что в результате позволило обеспечить победу социализма над капитализмом в СССР.

Принятые сокращения

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории (г. Москва).

Литература

1. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1924. Кн. 1.
2. Известия ЦК КПСС. 1990. № 9.
3. **Ленин В. И.** Доклад о работе в деревне 23 марта // **Ленин В. И.** Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1969. Т. 38.
4. **Ленин В. И.** Как нам реорганизовать Рабкрин? (Предложение XII съезду партии) // **Ленин В. И.** Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1970. Т. 45.
5. **Ленин В. И.** Наказ от ЦТО (Совета Труда и Оборона) местным советским учреждениям. Проект // **Ленин В. И.** Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1970. Т. 43.
6. **Ленин В. И.** О кооперации // **Ленин В. И.** Полное собрание сочинений. Т. 45.
7. **Ленин В. И.** О продовольственном налоге // **Ленин В. И.** Полное собрание сочинений. Т. 43.
8. **Ленин В. И.** Планы статьи «Заметки публициста» // **Ленин В. И.** Полное собрание сочинений. Т. 44.
9. **Ленин В. И.** Политический отчет Центрального Комитета РКП(б) 27 марта // **Ленин В. И.** Полное собрание сочинений. Т. 45.
10. **Маркс К.** Письмо Вере Засулич. 8 марта 1881 г. // **Маркс К., Энгельс Ф.** Избранные сочинения. М., 1987. Т. 6.
11. **Маркс К., Энгельс Ф.** Манифест Коммунистической партии // **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. М.: Политиздат, 1955. Т. 4.
12. **Маркс К., Энгельс Ф.** Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» // **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. М., 1961. Т. 19.
13. **Плеханов Г. В.** Год на Родине // **Плеханов Г. В.** Полное собрание статей и речей, 1917—1918. Париж, 1921. Т. 2.
14. **Плеханов Г. В.** Социализм и политическая борьба // **Плеханов Г. В.** Сочинения. М.; Пг., 1923. Т. 2.
15. **Плеханов Г. В.** Предисловие к брошюре «Энгельс Ф. О России» // **Плеханов Г. В.** Сочинения. М.; Л., 1925. Т. 9.
16. **Рязанов Д. В.** В. Засулич и К. Маркс. Предисловие редактора // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1924. Кн. 1.

17. Словарь русского языка. М., 1981. Т. 4.
18. **Сталин И. В.** Возражение Преображенскому по вопросу о 9-ом пункте резолюции «О политическом положении»: выступление на съезде РСДРП(б) 3 августа 1917 года // **Сталин И. В.** Сочинения. М.: Госполитиздат, 1945. Т. 3.
19. **Сталин И. В.** К итогам работы XIV конференции РКП(б). Доклад активу московской организации РКП(б) 9 мая 1925 г. // **Сталин И. В.** Сочинения. М.: Госполитиздат, 1947. Т. 7.
20. **Сталин И. В.** О «дымовке». Речь на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) 26 января 1925 г. // **Сталин И. В.** Сочинения. Т. 7.
21. **Энгельс Ф.** Европейские рабочие в 1877 году // **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. Т. 19. ◆